

КАМЧАТСКИЙ
ЦЕНТР
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Нематериальное культурное наследие
народов Камчатки

Из глубин земли Камчатки

Материалы фольклорно-этнографических
экспедиций в Мильковский район

ISBN 978-5-9610-0379-6

9 785961 003796

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский центр народного творчества»

Нематериальное культурное наследие
народов Камчатки

Из глубин земли Камчатки

*Материалы фольклорно-этнографических
экспедиций в Мильковский район*

Петропавловск-Камчатский
Издательство «Камчатпресс»
2020

УДК 821.39
ББК 83.3
ИЗ2

12+

Из глубин земли Камчатки : Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в Мильковский район: этнографический сборник / сост. М. Е. Беляева, Н. А. Воробьева – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2020. – 60 с. : ил.

ISBN 978-5-9610-0379-6

Данный сборник содержит тексты и информационные материалы, отобранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в Мильковский район, и из архива Камчатского центра народного творчества.

Адресовано работникам культуры, фольклористам, этнографам, преподавателям вузов, учителям и всем, кто интересуется традиционной культурой народов Камчатки.

**ББК 83.3
УДК 821.39**

Фотографии: из архива Камчатского центра народного творчества;
Виктора и Василия Гуменюков

ISBN 978-5-9610-0379-6

© КГБУ «Камчатский центр
народного творчества», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беляева М. Е.</i> Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в Мильковский район.....	5
Воспоминания о Г. Г. Поротове, записанные в фольклорно-этнографических экспедициях в апреле 2019 г.	14
<i>Долган Е. Ф.</i> Народный национальный ансамбль «Кыкша-ай»	22
История рода и семьи Николая Шишкина.....	29
Участники Великой Отечественной войны – воспоминания родственников	44

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в Мильковский район

*Мария Евгеньевна Белява,
заведующая отделом сохранения
нематериального культурного
наследия КГБУ «Камчатский центр
народного творчества»*

Мильковский район Камчатского края расположен в центральной части полуострова, в долине реки Камчатки. В середине XVIII в. С. П. Крашенинников отметил в своей знаменитой книге «Описание земли Камчатки» особенности этой части полуострова: «Камчатка-река, которая по-камчатски Уйкоаль, то есть “большая река”... Камчадалы, как северные, так и южные, называют себя ительмен – “житель”. Камчадалы, кроме общего имени ительмен, различают себя большей частью прозванием рек или других урочищ, где они жилища свои имеют: так, например, кыкша-ай – житель при Большой реке...» (что послужило названием для местного ансамбля).

Информацию о районе мы можем найти на сайте. Мильковский район расположен в центральной части полуострова, от верховьев р. Камчатки. Западная граница проходит по Срединному хребту, а восточная – по Ганальскому, Валагинскому и Тумрокскому хребтам. Не имеет выхода к морю. Районный центр – село Мильково расположено в верховьях р. Камчатки.

Первые записи о нём можно найти в исследованиях С. П. Крашенинникова.

В 1733 г. императрица Анна Иоанновна своим указом повелела завести земледелие на Камчатке. Для исполнения этого указа в 1738 г. с берегов Лены на Камчатку были перевезены 20 семей, 5 из которых в 1743 г. обосновались на р. Имчерек, которая стала называться Мильковушкой, там и возникло село Мильково.

Большой приток служивого и промышленного люда вызвали походы в связи с освоением Камчатки. Это были казаки и промышленники из Якутии, среди которых особую роль играли анадырские, русские старожилы, а также сибирские казаки, солдаты, крестьяне, мастеровые, обслуживающие экспедиции. Поселившись на новых землях, крестьяне сближались с коренными жителями – ительменами, которые со временем оставили свои землянки и стали жить в избах, начали заниматься скотоводством, огородничеством, усвоили русские способы лова рыбы (сетями). Особого внимания заслуживает способность ительменов делать всё без железных инструментов: строить, рубить, долбить, резать, шить, добывать огонь и варить пищу в деревянной посуде [https://ru.wikipedia].

Один из наиболее известных жителей села Мильково – Георгий Германович Поротов. Поэт, писатель, музыкант, он не просто любил свою землю, жителей, он эту любовь передал нам через свои творения. Каждый из очень тонко и точно описанных героев его произведений – это его земляки, друзья, родные и близкие ему люди, коллеги. А ещё это Север, куда он любил часто летать, и северные люди, которые делились с ним своими знаниями, традициями и опытом.

Ранее в КЦНТ выходили сборники, рассказывающие о нём как о человеке, scrupulously собиравшем фольклор коренных народов Камчатки и оставившим богатейший материал – сказки, родовые мелодии и ходилы в нотированном виде, над которым мы сейчас работаем.

Сотрудники КЦНТ продолжают дело Поротова и идут дорогами его фольклорно-этнографических экспедиций по Камчатке. Анализ всех данных материалов, собранных сегодня и хранящихся в архивах центра, позволяет определить современное состояние фольклора и сравнить его сохранность и произошедшие изменения.

В апреле 2019 г. фольклорно-этнографическая экспедиция КЦНТ побывала в Мильково. Мы целенаправленно ехали на мероприятия, посвящённые Г. Г. Поротову. Четыре дня в районном центре проходил фестиваль «На околице Руси». Фольклорные посиделки в библиотеке, конкурсы, выездные мероприятия в с. Долиновка, большой вечер памяти в с. Мильково показали нам, как долина реки Уйкоаль помнит и любит своего земляка. И говоря словами Поротова, мы сможем передать тот настрой, состояние души людей в эти дни:

...Проснулись и люди,
И пихлач лесной...
Весёлый Шевелуч
Играет огнём,
Долину шевелит
И ночью и днём...

В этой экспедиции мы записали воспоминания о Поротове его земляков и соседей из Мильковского района. С нами делились своими впечатлениями люди, которые в конце 60 и начале 70-х гг. XX в. были детьми, им удалось познакомиться и пообщаться с самим Георгием Германовичем. Это было погружение в то время – время Поротова, когда на Камчатке создавались самостоятельные ансамбли, в клубах кипела жизнь: шли репетиции, кто-то читал стихи, кто-то пел, танцевал, разыгрывал сценки из спектаклей, художники писали плакаты и афиши.

Неоценимый вклад в изучение творчества Г. Г. Поротова внесла Антонина Алексеевна Гончарова, кандидат филологических наук, доцент. Она первой обратилась к его произведениям сквозь призму фольклоризма, в основе которого лежит специфическая связь литературы и фольклора. Антонина Алексеевна отмечает, что Георгий Германович интересовался фольклором и мифологией как исследователь и собиратель.

Мы очень благодарны семье Георгия Поротова – его супруге Надежде Алексеевне, его дочерям Любове Георгиевне и Галине Георгиевне за помощь, которую они нам оказали. И внуки Георгий Поротов и Светлана Федотова, которые приняли активное

участие в фестивале «На околице Руси», всегда будут помнить, как Камчатка чтит их дедушку, Человека Севера – Георгия Германовича Поротова.

И мы уверены, что память о камчатском поэте, писателе, музыканте, композиторе, собирателе фольклора будет жива в памяти каждого человека, не смотря ни на вероисповедание, ни на национальность. Ведь для всех он был своим, родным.

В нашей самой первой командировке в Мильковский район мы познакомились с руководителем краеведческого клуба «Камчадалы» Викторией Зиновьевной Михайловой. Это человек, поистине влюблённый в свою землю, человек, почитающий традиции, хранящий память о людях. Виктория Михайловна – известный на Камчатке краевед, изучает династии коренных народов юга Камчатки, а также участие коренных жителей Камчатки в Великой Отечественной войне и их судьбу в годы репрессий.

Наши встречи с клубом всегда проходили в форме фольклорных посиделок, на которые собираются старожилы с. Мильково. Они исполняли песни, показывали бытовые сценки, рассказывали об истории своего рода. Также нам рассказали об истории краеведческого клуба, о работе по сбору материала для создания словаря камчадалских диалектов.

Побывали мы и в закрытом с. Кирганик. Там, на берегу реки, на фольклорные посиделки собрались местные жители, которые родились и выросли в этом селе. Они рассказали о своих корнях, исполнили песни. Большое внимание было уделено рассказам о традиционной хозяйственной деятельности коренных народов – рыболовстве.

Посетили мы и эвенское стойбище под руководством Маргариты Байшуаковой. Она поделилась с исследователями своим знанием истории становления гонки на собачьих упряжках «Берингия» и рассказала об особенностях разведения собак для ведения традиционного образа жизни коренных народов Камчатки.

Внушительный по объёму материал, собранный сотрудниками КЦНТ, ждёт длительная обработка, которая завершится выходом в свет этнографических сборников, созданием тематического архива аудио- и видеоматериалов.

Внучка Г. Г. Поротова Светлана Федотова
с хореографическим номером «Кенакетой»

Камчатский центр народного творчества благодарит за помощь народный ансамбль «Кыкша-ай» и его руководителя Елизавету Фёдоровну Долган, Victорию Зиновьевну Михайлову, всех работников культуры и жителей Мильковского района.

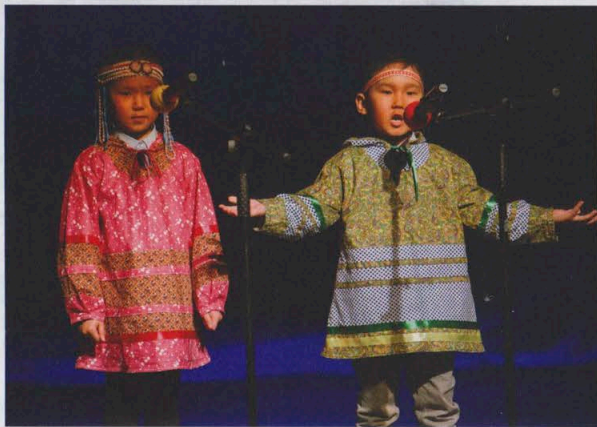
Экспедиции в отдалённые районы края КЦНТ организует на постоянной основе, их цель – сбор этнографического материала и пополнение архива образцов нематериального культурного наследия. Поездки организованы при поддержке Министерства культуры Камчатского края.

Выставка детских работ по произведениям Г. Г. Поротова

Галина Георгиевна Поротова на вечере памяти Г. Г. Поротова

Стихотворение «Ое не охотник» читают Алтынай и Артур Тохнины

Учащиеся районного дома детского творчества «Тихлач» и «Казачата»

Мастер-класс по горловому пению проводит Мария Евгеньевна Беляева. Мильково, 2018 г.

Клуб «Камчадалы». Мильково, 2018 г.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации Виктория Зиновьевна Михайлова – руководитель поискового клуба «Камчадалы», заведующая информационно-краеведческим отделом МБУ «Мильковская библиотечная система»

Сказка «Как Кутха на горбушах катался». Театральный коллектив «Волшебная шкатулка» с. Шаромы, 2019 г.

Стихотворение Г. Г. Поротова «Письмо брату» читает Алексей Максимов

Воспоминания о Г. Г. Поротове, записанные в фольклорно-этнографических экспедициях в апреле 2019 г.

*Татьяна Семёновна Тур (Михайлова),
родилась 29.12.1952 г. в с. Долиновка*

[Моя] мама – белоруска, отец – из казаков.

Бабушка сюда приехала с детьми. Без мужа приехала и тут уже за камчадала вышла замуж. Камчадала звали Тихон Тихонович Красильников (это братья были Красильниковы), у них много потомков в с. Мильково. Они жили на Машурово, потом это село затопило, там была своя церквушка, в 12–15 км от с. Долиновка.

В 1968 г. (но, может быть, и в 1967-м) на мартовские каникулы меня, ученицу Долиновской школы, выбрали в состав сельской комсомольской молодёжи для участия в районном смотре художественной самодеятельности. Выступали на Мильковской сцене Дома культуры, что находился по улице Партизанской, затем в этом здании обустроили церковь.

Песню, которую мы привезли, Г. Г. Поротов, сразу прослушав, не взял для концерта, а предложил другую. Вместе с баянистом проиграл мелодию, а потом и пропел. Мы по бумажке вместе с учительницей её пропели. Ему очень понравилось, и мы на сцене исполнили её, очень красиво.

Татьяна Тур из с. Долиновка вспоминает Георгия Поротова

Учительница разучила [песню] потом и с остальными учениками. Но... как-то эта песня ушла и стёрлась [из памяти]. Так, иногда всплывала в памяти, когда обстановка под стать этой песне была. Про себя «чуть дыша...» пела. А вот недавно моя одноклассница тоже вспомнила её. Вот так Георгий Германович отправил в народ своё детище – песню.

КАМЧАТСКИЕ НОЧИ

Ой, вы, ночи, камчатские ночи!
Тихо шепчет ветер с волной.
Хороши вы, как девичьи очи,
В океанском просторе ночном.

За волною волна набегаёт,
Бросив пену на берег морской.
И камчатской красою любуюсь,
Я брожу в тишине голубой.

Ой, вы, ночи, камчатские ночи!
Звёзды блещут на небе ночном.

Я люблюсь камчатской красою
В этом крае любимом, родном!

Второй раз я тоже встретилась [с Г. Г. Поротовым], но уже у нас в селе Долиновка. И тоже песня была причиной нашей встречи. В нашем клубе был праздник и Г. Г. Поротов выступал на нём. Это было в 1972 г., подтвердила мои слова Н. Н. Сергунина. Она тоже помнит эту встречу. Это был очень обаятельный, наш человек. Легко беседовал с людьми, балагурил. Я тогда исполнила песню:

Ты мне приснись, Дальний Восток!
Эхом долин, где олени трубят!

«Не твоя это песня! Тебе надо другие песни петь...», – А какие – не сказал. И много лет прошло, другой баянист тоже повторил слова Поротова: «Другие песни надо петь». А я пою, какие нравятся.

*Людмила Георгиевна Блинова (Толман),
родилась 15.11.1951 г. в с. Долиновка,
ительменка*

Встреча с Г. Г. Поротовым состоялась случайно, на дне рождения у друзей, куда он был приглашён в качестве уважаемого гостя. А случилось это так. В сельском клубе проходили «Крашенинниковские чтения», на которых был Георгий Поротов. Как всегда зал был полон, такой человек приехал – знаменитость. Он читал стихотворения и под мандолину пел задорные песни. На этой встрече меня и мужа не было, так как до позднего вечера работала в совхозе, на скотниках, но на дне рождения у Андрея Королюка были всей бригадой.

И тут вдруг заходит бригадир Сергей Бенделиков с женой и говорит: «Встречайте дорогого гостя – Георгия Поротова!» Мы думали, шутка, но действительно заходит Г. Г. Поротов и ещё с ним приехавшие люди. Усадили всех за стол, стали угощать, а в самый разгар этого вечера стали петь песни и плясали «Бакию» и «Утки». А я всё подходила к нему и спрашивала: «Неужели это Вы? Тот самый Георгий Поротов? Наш камчатский

поэт? Земляк?» – «Да, это я Георгий Поротов!» – и рассмеялся своим звучным голосом. Нас удивляло то, что он находится среди обыкновенных рабочих, как он по-простому с нами общался, а мы восхищались его голосом и песнями. А как он играл на мандолине! На неё была привязана голубая ленточка, я её сняла и завязала себе на шею, долго хранила как память о нашем добром поэте, но с переездами [лента] потерялась. Эта добрая встреча запомнилась на всю жизнь.

*Галина Владиленовна Шведова (Красильникова),
родилась 29.01.1968 г. в с. Долиновка, ительменка.*

В 1984 г., в марте, в Долиновском клубе проходила встреча с нашим поэтом Г. Г. Поротовым. Я тогда училась в с. Мильково в 9 классе, домой приехала на каникулы. В клубе было много народу, кто-то даже с собой стулья принёс, а мы с девочками заняли самые хорошие места справа «на галёрке» – так у нас назывались места на верхней ступени в клубе, слева нельзя было садиться никому, так как там сидели старожилы.

Выставка детских работ по произведениям Г. Г. Поротова

Сейчас вспоминаешь – смешно, а тогда соблюдали это. Когда бархатный занавес открылся, ведущий представил нам поэта-песенника. Перед нами стоял крепкий, в тёмном костюме человек, с зачёсанными назад чёрными густыми волосами – это был Г. Г. Поротов. Мне казалось, что он такой большой и грубый. Но когда он стал читать стихотворения, петь песни, то ноги и плечики в ритм [в пляс] пускались под задорные звуки мандолины. Как он читал стихотворения – проникновенно и с чувством. Долго долиновцы не отпускали со сцены поэта, некоторые стихотворения и песни он повторял по многочисленным просьбам. И он никому не отказывал. Вот такой он у меня остался в памяти. В школьную библиотеку он подарил книжку с автографом, вот такая там надпись:

«Девочкам и мальчикам из школы с. Долиновка.
Да сбудутся ваши мечты! Будьте счастливы!
В память о встрече...
Г. Поротов 28/III–84 г.»

Я тоже училась в Биробиджанском культпросветучилище, где учился Георгий Германович Поротов, и горжусь, что мне повезло увидеть и слышать поэта у нас в с. Долиновка.

*Татьяна Витальевна Булах,
родилась 11.06.1958 г. в с. Мильково*

О ДЯДЕ ГОШЕ

Я, Булах (Михайлова) Татьяна Витальевна, родилась в с. Мильково Мильковского района Камчатской области. Мой папа – Виталий Викторович из рода Михайловых. С Георгием Германовичем Поротовым папу связывала многолетняя дружба.

Первое моё воспоминание, связанное с дядей Гошей, возвращает меня в детство: нас с Любой (старшей дочерью Г. Г.) везут на санках в гости к бабе Наде – маме дяди Гоши.

Весна, снег смешался с водою,
Нас с Любонькой на санках везут.

Баба Надя нас чаем напоит,
И с любовью гостинцев дадут.
1963 г., весна

Родители наши любили гостевать: чаёвничать, слушать и петь песни под пластинки. Именно тогда, в гостях у Поротовых я впервые услышала песню «Как родная меня мать провожала...». Не понимая некоторых фраз, мы с девочками (Любой и Галей – младшей дочерью) пытались подхватывать мелодию и слова (зима 1967 г.).

Георгий Германович всегда, по возможности, ходил в лес (тогда ещё рядом с домом мамы поэта текла река Антоновка).

Папа называл его Гога, и я помню, как много интересного он рассказывал, и как!

Папин друг, и он же Гога,
Балагур и весельчак.
Он рассказывает много,
Жаль, что встреча коротка!

Дядя Гоша, возвратившись из командировки в Якутию, сообщил, что там в архиве нашёл важную запись. Мы узнали, что мой прадед – Анисим Михайлов – пришёл с другими казаками из Якутии.

10 октября 1984 г. не стало моего папы. Мы ждали дядю Гошу, а он, приехав из Петропавловска-Камчатского, долго ходил вокруг нашего дома на улице Строителей и не решался зайти. А потом всю ночь провёл с нами и проводил папу в последний путь. Памяти друга Георгий Германович посвятил строки «Надо мной тополя...».

Жизнь дарит нам возможность познавать мир через встречи. Такой счастливой встречей было общение с Г. Г. Поротовым.

Голос рокочущий, сердце ранимое,
Но он боец навсегда!
Песни, стихи и, конечно же, музыка –
Жизнь продолжается, да!

ВОСПОМИНАНИЯ О МАМЕ

*Галина Владиленовна Шведова (Красильникова),
родилась 29.01.1968 г. в с. Долиновка, ительменка.*

*Надежда Викторовна Бизяева (Толман),
родилась 20.01.1960 г. на участке
Центральном (сейчас п. Таежный).*

Н. В. — Нашу маму звали Нина Николаевна Красильникова, ительменка, родилась 03.04.1932 г. в с. Шапино.

Г. В. — Жили худо.

Н. В. — Когда у них папу [дедушку] забрали, раскулачили, забрали все до кружки. Мама потом разболелась, вскоре её не стало.

Г. В. — Бабушка шила торбаса. Чтобы иголка проколола кожу, кожу приходилось жевать.

Н. В. — А нитки делали из крапивы. Сучила их, потом на колёнке раскатывала. Но бедно жили. Мама, когда обо всем рассказывала, казалось, что хотела расплакаться. Но никогда не плакала. Такая вот была... Мама особо не плела ничего. Но вышивки много было, гладью и крестиком.

Г. В. — Мама не пела, а в компании подпевала. Она скромная была. Хотя по линии Красильниковых все пели.

Н. В. — У мамы родственники ительмены. Брат Николай как-то в архивах в Петропавловске был, и там были записи даже царских времён. У меня всё это есть, надо в порядок просто привести.

Г. В. — Предки в основном здесь. В центральной части жили.

Н. В. — Раньше, помню, у нас праздники на ручейке были. И взрослые собирались, и дети. Костёр разводили, песни пели. А выборы — праздником тоже были, всегда колокол вешали. И музыка играла.

— Мама некрещённая, икон не было дома. У бабушки Александры была икона, но мама её прятала почему-то в сундуке. Александра — это была по папиной линии, но я точно не помню. Вот у бабушки Александры всегда были иконы.

Г. В. — У мамы [было] три мужа. Один трагически погиб.

Н. В. — Мой куда-[то] подался на Украину. А потом она вышла замуж за Владилена.

Г. В. — Мама три или четыре класса всего окончила. Ведь их мама [бабушка] рано ушла из жизни, и на её [мамины] плечи легла забота о младших сёстрах и братьях. И мама рассказала нам, помню, такую историю. Один раз пошли к учителю, он помогал в учёбе. Учитель спрашивает: «Хотите, я угощу вас винегретом?» А они не знают, что это такое. Отвечают: «Хотим». Но когда мы увидели, что он положил обыкновенную квашеную капусту со свеклой и с картошкой, удивились. Мы ведь думали винегрет — это блюдо какое-то.

Блюда, помню были, чуприк или чуперка — запечённая рыба. Раньше её запекали на углях, потому что духовок не было. Ещё капустные листья складывали и запекали.

Н. В. — Пирог всегда стряпали в субботу, воскресенье. У нас всегда были пироги в печке. Потом к печке сделали что-то вроде духовки.

Г. В. — Барабан делали [еда] — икра толчёная с картошкой, запекали её. И икра сушёная. Как она [мама] её ела — не знаю, икра ведь к зубам прилипала.

Н. В. — Мама её с картошкой в мундирах любила.

Г. В. — Тельно с сараной. Галга со шварками какими-то медвежьими.

Н. В. — Я говорю: «Мам, давайте не медвежки, давайте сало». Картошка, толченая с рыбой, соленоватой, вымоченной.

Г. В. — Ещё, помню, чай наливали, а потом клали муку перешаренную, называли толокно. Оно было на медвежьем сале жаренное.

— А ещё мама собирала цветы лекарственные. Вот эти вот синенькие, у нас здесь растут. Она их называла крынышник, но он, по-моему, по-другому называется. Глазки ими промывала. Пижму собирала. Кипрей. Это вообще отдельная история. Надя, помнишь?

Н. В. — Мы пошли за ягодой. Мне в лесу плохо стало. Говорю: «Всё, ягоду собирать не буду». Легла под мотоцикл, лежу. Потом сестра Шура даёт кипрей, я его просто весь съела, и прямо облегчение такое...

Народный национальный ансамбль «Кыкша-ай»

*Елизавета Фёдоровна Долган,
руководитель КТБУ «Корякский фольклорный
ансамбль танца "Ангт" имени Иосифа Жукова»,
пгт Палана*

Ансамбль «Кыкша-ай» уже давно известен далеко за пределами родного села Мильково. Красивое и звучное название «Кыкша-ай» переводится с ительменского языка как «Житель при большой реке».

Первая репетиция состоялась в марте 2012 г. на базе муниципального бюджетного учреждения «Мильковский Дом культуры и досуга». Молодые участники познакомились с основами национальной хореографии и классического танца. Позже, в апреле, к молодёжи присоединилось и старшее поколение.

Духовным воспитанием в обществе занимается семья, род, школы и учреждения культуры. В Мильковском районе это особенно актуально, семейное творчество в данном случае самый лучший способ приобщения к национальному творчеству. Ансамбль «Кыкша-ай» состоит из представителей древних камчадалских родов – Михайловых, Пермяковых, Плотниковых-Шишкиных, Толманов, объединяя три поколения. Евдо-

Народный национальный ансамбль «Кыкша-ай» на вечере памяти Г. Г. Поротова, 2019 г.

кия Енгюновна Михайлова с дочерьми Анной, Юлией и внуками Романом, годовалой Лизонькой, Татьяна Витальевна Булах принадлежат к роду Михайловых, о которых написаны строки в стихотворениях знаменитого земляка, камчатского поэта и писателя Г. Г. Поротова. Продолжая славные музыкальные традиции своего отца Владимира Витальевича Михайлова, выпускника Камчатского музыкального училища по классу баяна и оркестра народных инструментов Анна Манько окончила музыкальный колледж по классу скрипки, исполняет музыкальные произведения камчатских авторов Г. Поротова, П. Яганова. Галина Енгюновна Пермякова (родная сестра Е. Е. Михайловой) с дочерью Ольгой Красильниковой и внучками Соней и Светой, Михаил Зенков, Любовь Ерофеева относятся к роду Пермяковых – Плотниковых – Шишкиных, Михаил и Анна Толманы – к роду Толманов.

Молодые мамы – Анна Манько (Михайлова), Юлия Шевчук (Михайлова) и Ольга Красильникова (Пермякова) приводили на репетицию своих малышек Соню, Свету, Лизу, Романа. Под звуки бубна, слушая ительменские ходилы в исполнении своих мам и бабушек, наблюдая за их танцами, дети сами пустились в пляс.

Занятия проводились два раза в неделю по программе, которая основана на школе национального танца, признан-

Народный национальный ансамбль «Кыкша-ай»

ной специалистами российского Севера как Гилевская школа. В программе обязательны уроки классического, национального танца: экзерсис у станка, середина. В процессе занятий хореографией возникла необходимость обучения вокалу, игре на музыкальных инструментах (бубен, дудочка коон, варган, различные шумовые инструменты, которые были изготовлены самими участниками). Параллельно осваивались навыки шитья бисером, мехом. Артисты самодеятельности с большим интересом отнеслись к изучению нового для себя – танцев и песен, декоративно-прикладного искусства своих предков, коренных малочисленных народов Севера – ительменов и камчадалов.

Первое выступление состоялось на сцене Мильковского Дома культуры и досуга на концерте, посвящённом Дню России. Затем коллектив впервые выехал за пределы Милькова в с. Анавгай по приглашению руководителя эвенского народного ансамбля «Нургэнэк» Лилии Банакановой.

Народный национальный ансамбль «Кыкша-ай»

Елизавета Фёдоровна Долган. Мильково, 2013 г.

Концертмейстер Владимир Владимирович Калашников. Мильково, 2019 г.

Елизавета Фёдоровна Долган на репетиции

Михаил Толман и Анна Манько. Мильково, 2019 г.

Народный национальный ансамбль «Кыкша-эй»

Там проходили мероприятия, посвящённые 40-летию ансамбля «Нургэнэк» и празднованию Нового года по эвенскому календарю.

Это был первый опыт выступления самодельных артистов в районе, где очень хорошо развиты традиции, что дало возможность почувствовать им сопричастность к культуре коренных народов нашего полуострова, оценку строгого зрителя. Затем были выступления в различных концертных программах, участие во II межрегиональном фестивале творчества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России «Золотые родники», I краевом фестивале традиционных ремёсел «Мастера земли Уйкоаль». Ежегодно идёт подготовка и проведение «Праздника первой рыбы» совместно с Мильковской ассоциацией малочисленных народов Севера, которая объединяет все родовые общины.

В 2016 г. коллектив получил звание «Народный самодельный национальный ансамбль “Кыкша-ай”».

В мае 2018 г. ансамбль принял участие в работе фольклорно-этнографической экспедиции отдела сохранения материального культурного наследия КГБУ «Камчатский центр народного творчества». В рамках этого мероприятия были проведены мастер-классы по национальной хореографии, декоративно-прикладному творчеству, фольклорные посиделки с клубом «Камчадал», оказана помощь в записи информантов. Были поставлены хореографические номера с использованием экспедиционных материалов М. Я. Жорницкой.

Мильковские камчадалы оказались очень талантливы в работе с бисером, мехом, кожей. То, в чём участники ансамбля «Кыкша-ай» сегодня выходят на сцену, это результат их труда. Анна Манько (Михайлова) участвовала в краевой выставке «Содружество традиций», где представила куклу в национальной одежде, сшитой по старинной технологии, сценический костюм, расшитый по образцам мастерицы Г. С. Писковецкой.

В 2019 г. Елизавета Фёдоровна Долган – первый руководитель ансамбля покинула свой пост, передав управление Михаилу Толману. Елизавета Долган сейчас является руководителем корякского фольклорного ансамбля танца «Ангт» имени Иосифа Жукова (пгт Палана) (Прим. сост.)

История рода и семьи Николая Шишкина

Николай Иванович Шишкин – потомственный мастер, ительмен, с детства обучался ремеслу плетения из бересты, выделке и сучению нити из крапивы, обработке корня ивы и черёмухи. Свои уникальные знания и опыт передаёт своим детям и внукам. Является председателем родовой общины КМНС «Долина Уйкоаль». Совместно с женой Людмилой Петровной они с радостью делятся бесценным опытом традиционных технологий «Северного плетения», проводят обучающие мастер-классы и семинары по плетению из бересты, занимаются сбором дикоросов, изготавливают новые виды чайно-ягодного напитка. Николаем Ивановичем восстановлена традиционная ительменская рыболовная сеть, сплетённая из крапивы и коры ивы, которую описали известные исследователи С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер.

В его коллекции представлены модели ительменского бата, выполненные по традиционной технологии, шкатулки из бересты ивы, чукочи, туяса, корзины, колтон, серьги, ленаты, оромец для сбора ягод, самовар, бусы, погремушки, сахарница, конфетница, подставка под куриное яйцо, оцешники, сосуды для хранения, сумочки, тарелочки, хлебница.

Мастер активно участвует в районных, краевых, всероссийских, международных выставках и фестивалях.

*Николай Шишкин,
экспедиция в Мильковский район 2018 г.*

Мастер Николай Шишкин. Мильково, 2018 г.

По национальности я ительмен. Мама – Елена Алексеевна (Мерлина) Пермякова, отец Иван Спиридонович Шишкин. Мама родилась 4 марта 1941 г. в Шаромах, но так как там не было сельсовета, записали в Пушино. Закончила медицинское училище в Петропавловске.

Родители мамы: дед – Алексей Михайлович (Мерлин), родом из Шаром, бабушка – Евдокия Николаевна Дурьнина, родом из Пушино. Родители бабушки умерли от оспы в 1915 г., ей тогда было примерно

полгода. Бабушку поляки ссыльные к себе забрали – Елена и Казимир Илло. До революции сослали их на Камчатку, они же очень богатые были. Лишили всего. Брата Казимира отправили в Иркутск. Кстати, после войны никто из них на родину не вернулся. Мол, и тут хорошо. Охотники знатные были в годы войны. Детей у семьи Илло не было, поэтому они мою бабушку и взяли на воспитание.

Родители отца: дед – Спиридон Иванович Шишкин, бабушка – Вера Николаевна Толман (1912 г. р.). Все, что в Мильково живут, в городе, в Коряках – все один большой род. А в основании рода стояли американцы. Их было три брата – Толмен («высокий человек»), по-русски Толман. Отец занимался торговлей, чтобы на Камчатке были свои люди, оставил здесь сыновей. Одного отправил в Тигиль, второго, в Мильково, а третий был между. Их сестра осталась в Калифорнии. Получилось как: две ветки рода шли чёрные [брюнеты] полностью, местная кровь перебила. И одна ветка светлая [шатены] пошла. И жёны местные, и всё равно дети светлые идут. Или через по-

коление светлые. Мои отец и мать – чёрные, я – светлый. Фотографий, к сожалению, не осталось.

Мерлина была у меня фотография – того, который усмирял восстание. Я ещё всё спрашивал, почему у него один погон генеральский. И когда спросил у историков, мне объяснили, что он был прокурором. Пришёл на Камчатку майором, ушёл полковником, прокурором.

Мерлин на службе у царя был, когда здесь восстание началось в долине реки Камчатки. Восставшие все родственниками были. Род, считай, от Шаром да Усть-Камчатска был, такой богатый, хороший. Братья, дядьки, деды были тойонами. И в итоге, когда прислали усмирять собрание, Дочка Машурин – это мой прямой потомок идёт (а род пошёл с Еловки – еловские ительмены были, они потом по Камчатке разошлись)... выступил и сказал: «Да мы так все поляжем. А род сохранять надо. Кто хочет воевать – оставайтесь». Всего два человека остались, остальные усмирились. И Мерлин вождей племён крестил сам. Дал им свою фамилию. Был Дочка Машурин, а стал Василий Мерлин. И до сих пор у Мерлинских имя Василий через поколение встречается. Алексей, Михаил тоже. Так же, как у Шишкиных тоже повторяются Спиридон, Иван.

Со стороны Шишкиных был казак. Он описал Алеутские острова, ему дали дворянство. Он решил всех детей в церковь пристроить, потому что дворянство давалось одному человеку и не передавалось по наследству. А дети тоже должны быть при деле. И стали все церковными служителями. У него тоже коренная жена была. Здесь, по долине, браков смешанных мало было.

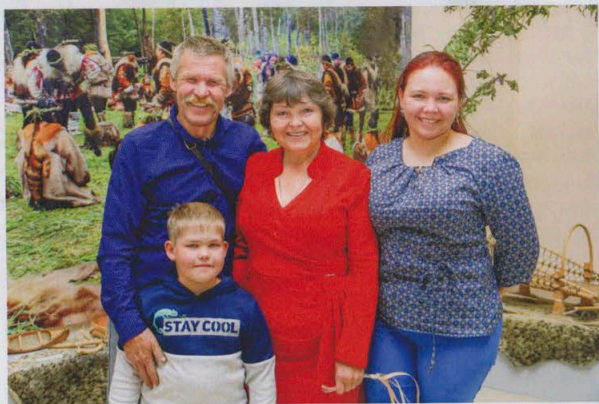
Казак именно в роду Шишкиных был. Знаю только Петра Шишкина, а кто он – не знаю. Получил Почётного гражданина Камчатки, и больше ничего о нём не известно. И потом на долгое время история вообще прекращается. Дед особо о своих родителях не рассказывал. Знаю только, что отец у него Михаил был.

Мы крестились в 1990-х. До 1930 г., кто родился на Камчатке, – все крещённые были. Дед, хоть и коммунист, всё равно крещённый был. А потом церкви на Камчатке позакрывали.

Традиционной деятельностью здесь были рыбалка, охота.

По долине реки кто жил, у них был ительменский диалект.

Я думал, его «кончили» в советское время. Оказывается, ещё в царской России начали. И южно-камчатский диалект «кончили». Остался только ковранский с коряжским, который идёт смешанный. Вот даже по названиям рек если взять... Ительменское название Уэролатын – по-русски Варлата. Уэролатын – стойбище возле Милькова в 5 км было, летнее стойбище Сингач – вот здесь (сейчас стали Сигачик называть), в Мильково как раз, возле моста было. Сингач – это как [бы] Мильково, а Уэролатын отдельно было, как Шаромы. Моя бабушка называла Шаромы Шером, а в книгах можно встретить Шоромы. И Пушино – [так] у нас говорят, а дед и бабушка говорили ПушЭн. Шапино было ШапЭн, Кирганик – КиргЭн. Всё это были стойбища. Ещё был Среднекамчатск возле Атласово, сейчас даже не скажу, как называлось, самое нижнее было Еловское, и возле п. Ключи было стойбище. И они были повязаны как родственники. Река было густонаселённая. Единственное место в Шаромах [было], где запоры ставили... в проходные дни. Вот они в Шаромах запоры ставят на несколько дней, потом убирают, чтобы рыба пошла в Пушино. Слово было «запоры». А вот «барабура» – это, как у алеутов, – низенькое жильё. У нас «караулка» была, её называли «караулка с барабурой». Барабурой были все низенькие

Семья Шишкиных на открытии своей персональной выставки в Камчатском краевом художественном музее

[места лова], просто крытые, где рыбу кололи зимой. Делали караулку, выставляли направляющие и в воде вбивали, потом ветками всё забивали. Оставляли выход и небольшую прямую. И когда рыба попадала, она останавливалась, и её там кололи сразу. Тогда ещё мариками (крючок на палке) пользовались для ловли. У эвенов выбросные марики, а у нас они к палке крепились намертво. И летом, и зимой мариками ловили. Марики и гольцовые были, и рыбные [лососёвые]. Он [марик] не считается запрещённым для ловли рыбы сейчас. Его вернули, так что я спокойно его могу с собой брать на рыбалку. А в советское время его запретили. Ещё одним орудием лова были сети из крапивы. Они у меня есть.

Я рыбачить всегда ходил на Стариковскую, там протока Стариковская была. Но сейчас Камчатка ушла в сторону, протока не стало. Поменяла русло, ушла совсем далеко, и здесь всё заилилось. Сейчас уже моторные лодки есть, поближе прикатываем и ловим. Летом раньше просто по берегу ходили, где рыба проходит, и ловили. Её много было, ничего не боялась. Зимой сетями не ловили, как раз сети и делали зимой. Три сети за зиму в общей сложности делали. Женщины сучили нитки, а ближе к весне мужчины из них сети плели. Я как думал, что если сети плели, то, значит, все знают, как это делается. А оказалось, что мой отец не знал. Я в детстве видел, как их делают. А чтобы мы с детьми не мешались, нам кораблики сделают из тополя и гулять отправят. А нам больше и не надо было: парус поставим и бежим играть. Правда, потом все мокрые были.

Ещё на охоту зимой ходили. Я сейчас не хожу, угодя, которые были у нас, стали заказником. А раньше трудовые угодя были фактически от Милькова до сопок. А вторые угодя были в Шаромах (от Шаромского мыса и до Пушина). Но сейчас весь род, что там был, вымер практически. Одни племянники остались, и то их немного.

Во время войны мой дед был сперва председателем колхоза в Шаромах. Летом – колхоз, а в зиму он уходил в лес, чтобы колхозники были с мясом. Медведей забивали, баранов диких, пушнину сдавали, ну и что попадалось. Несколько раз его собирали на фронт. Как только до Петропавловска добирался, его в обком – обком обратно отправлял. Опять бумаги пишут, ведь

На мастер-классе у Николая и Людмилы Шишкиных. Мильково, 2018 г.

все уходят, он один остаётся. Опять до Петропавловска доходит, его спрашивают: «Ты чего? Хочешь, чтобы женщины одни остались? И так все мужики на фронт ушли». Позже он ушёл в Среднекамчатск директором колхоза.

В основном все помнят Варвару Карповну Мерлину (Чуркину). Она Шаромы на это место перенесла. Они же были в другой стороне – километров 5 или 6. Её мужем Иван из Шаром был. Она в Кирганиках жила – он её оттуда забрал. Варвара сначала у моего деда помощницей была. А потом дед уехал, она официально замом была, а по факту директором – всё делала.

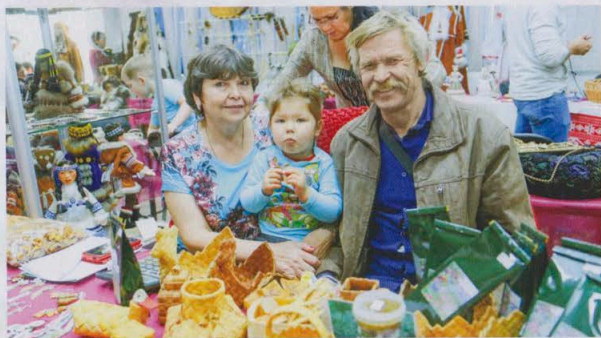
Дядька мой на охоту с собаками ходил, у него ездовые были. Если убивал медведя, разделывал там, на берегу реки. Укладывал шкуру в воду, всё мясо клал на шкуру и закрывал. На следующий день потихоньку из воды его вытаскивал. Всегда один ходил на охоту. С ружьём ходил, с рогатиной не ходил.

Последними ительменки с рогатинами ходили в Усть-Большерецке, как мне рассказывали. Это сахалинцы на Сахалине рассказывали. Стояли они в Усть-Большерецке, на ремонт поставили их бот. И тут женщина подходит, такая старенькая, и говорит: «Мужики, вам мясо нужно? Медвежатины». – «А мы, – говорит, – всё время на рыбе только и сидели, конечно, мяса хочется». Она

отвечает: «Да там много мяса. Вы мне поможете домой отнести? Мне много не надо – рюкзак один. Остальное себе заберёте». Ну, они рюкзаков набрали и пошли. Спрашивают: «Далеко идти?» Бабушка: «Нет, километров 12». Пришли на место, бабуля говорит: «Посидите, я сейчас приду». Оказалось, он [медведь] ещё в берлоге спит. А у неё ни ружья, ничего не было. Она подошла, палку взяла, пошебуришила медведя. Он из берлоги вылез, бабуля нож выгатила, под него нырнула, по пузу шлёпнула и в сторону убежала. Медведь на неё, а кишки начали вываливаться, мешают. Он сам же кишки в разные стороны раскидывает... И упал потом. Она тут же подошла, разделала его. Мужики стояли с огромными глазами, говорят, что если бы знали, не пошли бы за ней. Или хоть карабин бы с собой взяли. Вот, отношение какое было! Зачем убивать, если столько унести не сможешь? Но мясо же нужно. Сходила, нашла помощников. Вот, на Сахалине такую историю рассказали. Я же там с 1978 по 1885 г. служил, потом с женой ещё жил.

Дядька рассказывал, что его дед, мой прадед – они с [из] Шаром в гости мотались на плотах в Машуру (между Долиновкой и Мильково). Там стойбище было ительменское. Поэтому моего пращура и называли Дочка Машурин. Дочка с Машуры. И вот, когда им было по 14 лет, они медведя завалили на реке и туда к родственникам припёрли. В 14 лет уже взрослыми людьми были. Ну, по факту взрослым ты становился в 7 лет. Меня как-то в 8 лет отругали. Говорят: «Дай спички!» А у меня их нет. Говорят: «Спички в кармане должны быть всегда! Ушёл в лес, мало ли что, а спичек нет – и пропал!»

Я в лес пошёл, маме сказал об этом. Она спрашивает: «Когда придёшь?» – «Завтра вечером». И всё, она до следующего дня совершенно спокойна. Если я на следующий день не пришёл в 10 вечера, вот только тогда тревогу начинает бить, что ребёнок где-то в лесу. Ну, предварительно спросит, в каком районе примерно буду, чтобы знать. А мы там рыбу ловили. Я в 7-8 лет рыбу домой уже приносил. У нас рыба вся водится: карась, кумжа, голец, чавыча, кета, нерка, арабыч (поздняя нерка), хариус. Арабыч – местное ительменское название. Мой папа говорил «кизуц». Так и писал в промысловом журнале. Чавыча на юге назвалась авач, а у нас – кавач. А вот речка, за камчатским мостом – Кавыча. В Петропавловске, в южном районе, чавыча

Фестиваль «Мастера земли Уйкоаль» Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2018 г.

называлась авач – Авача. Голец – вачкуч был, такой чёрный, его ещё дразнили «головешка». Голова большая, а сам тонкий и длинный. Вачкуч называли и мужиков – таких [же] худых и тонких. Также сохранилось местное название тарбагана – байбак. Это же название касалось и щенков. Когда щенки ездые упитанные такие, на шарик похожие, значит, байбак.

Всю рыбу употребляли, плохо только кунжу. Её старались не брать. Что микижа, что кунжа могли и крысу, если та в воду попала, проглотить. Но микижа вкусная рыба, а кунжа – нет. У меня мама до сих пор, если микижа попала, замораживает её. Достанешь месяца через два, размораживаешь – как будто вчера на рыбалку ходил. У неё привкус свежести остаётся. Семга тоже попадает, она на микижу похожа. Но её мало к нам приходит. Так же, как на Сахалине, – таймень, чем выше к истоку, тем он меньше, а в устьях, в пресной воде он нерестится по 1,5-2 метра. Если бы на Сахалине была река Камчатка, например, то большие особи поднимались бы до Долиновки. Чем крупнее особь, тем ближе она к морю, кормовая база побольше. На Сахалине первый раз увидел, что ближе к истокам таймень меньше, к устьям – больше.

Горбуша хорошо доходит до Атласово, до Лазо, до нас – нет. Первый раз я её увидел в Шаромах. Мы пацанами были, раньше её не встречали. Зелёная такая. И мы умничали [размышляли] –

что же за рыба? Думали, может, скумбрия? Дядьки не было, мы её ему описывали – он тоже не сообразил, что к чему.

Из рыбы делали юколу и юхолу. Юхолку немного коптили и подсаливали. Разделают рыбу, слегка присолят и в копилку повесят, чтобы мухи не садились. А потом вытаскивали и досушивали. Ещё делали поршу – копчёную рыбную муку. Её с собой зимой на охоту брали, в пакетиках. Готовили же там быстро, например, тихтер (мука и медвежий жир) – можно сказать, подлив[у].

Кислая рыба ещё была. Её в ямы складывали. Кислили и себе, и собакам. В любом случае кишки выкидывали. Кислили так: копали яму, рыбу разделявали, головы отрезали (их для себя оставляли), тушки можно было собакам кислить. Тушки выкладывали, сверху иван-чай, потом следующий слой. И так несколько раз. Закрывали яму ветками, сверху травой или иван-чаем, а предварительно в центр палочку ставили. Потом ещё сверху всё засыпалось землёй. Давали немного постоять, потом палочку шевелили и вытаскивали. А палочку только до травы ставили, до рыбы она доходить не должна была. Чтобы муха, если туда попадёт, не могла добраться до рыбы, а воздух при этом оттуда выходил.

А для себя делали отдельные ямы. Укладывали их иван-чаем, потом ряд головок, ряд икры, ряд головок, ряд икры и т. д. Прослойка также иван-чаем, потом ветки и палочка. Всё не тухнет, а именно киснет, головки становятся как варёные. Сейчас жена кислит в банках, слегка солью присыпает, и они у неё в тепле стоят. Дядьки с духом делали. У меня по материнской линии брат любил, чтобы прямо с сильным духом было. Зимой на улице она вымерзнет, он её затаскивает, мороженую её сразу нарезает и ест.

Изделия из бересты ещё с детства видел. Как чукачи, чуманы делают. Дед плёл из деревянных верёвок. А ниже по реке корни были еловые, их сюда везли, дед и из них что-то делал, плёл. Грубовато, но северное плетение оно и есть северное плетение. По кругу, так же, как из травы, делают.

Когда мне лет 8 было, с дядькой мотались на велосипедах километров [за] 10 до речки. Ставили сетку. Он работал, а я придду, сетку вытащу, поставлю. Он сказал, что вечером придёт. Ну ладно, жду его. А тогда же взрослых не ждали, когда придут

и всё сделают. Сам дров натаскал, лежанку сделал. Вечер – его нет. Ну, раз так – лёг спать. Утром проснулся, сетку снял, рыбу вытащил, распластал, как смог. Дядька приходит и спрашивает: «Как спалось?» Отвечаю: «Хорошо». – «И ничего не слышал?» – «Нет». – «Сходи, – говорит, – посмотри, что там за речкой». Я речку перешёл, а там здоровый след медведя. Он же ко мне спокойно перепрыгнуть мог. А я его не слышал. Он, оказывается, сел неподалёку и наблюдал, что же я делаю у костра. И сел не на землю, а на кочку.

Сначала меня с самым младшим дядькой отправляли на рыбалку. Он на 5 лет старше меня. А потом уже, если рядышком, то с ровесниками. Уже дальше и один стал уходить. Сейчас сын такой же вырос. Тоже одиночка.

Бабка у меня лечила всех. У ительменов же мужчины не шаманили никогда. В основном этим занимались женщины. Придёт кто-нибудь к ней, она печку откроет и шепчет что-то.

Помню, как иван-чай сушили. Не листья. Ствол на две части разрезали и оттуда мякоть доставали и высушивали на зиму. И потом с икрой или в блюда разные добавляли. Барабан с икрой и тихтер я до сих пор делаю. Поршу знаю, как делать, но не делаю. Её лучше всего в юрте делать. Она же идёт треугольником: на жерди укладывается иван-чай, потом рыбу в ряд, опять иван-чай, опять рыбу поперёк – 5-6 слоёв, чтобы

Н. Шишкин на фестивале «Мастера земли Уйкоаль». Анавай, 2017 г.

жерди выдержали. Затем наверху дырочку уменьшаешь, костёр разжигаешь, с боков прикрываешь, чтобы доступа воздуха меньше было, как в парилке. Получается рыба горячего копчения. Потом косточки отдельно, мясо отдельно снимаешь. Это всё раскладывается и высушивается. Из этого мука и делается – порша. Самая натуральная.

Уже потом стали делать по-другому, юрт же не стало летних. Брали кету, в больших баках отваривали её. Потом доставали, брали за хвост и снимали мясо. Просушивали и мололи. Не прямо в порошок, но мелко.

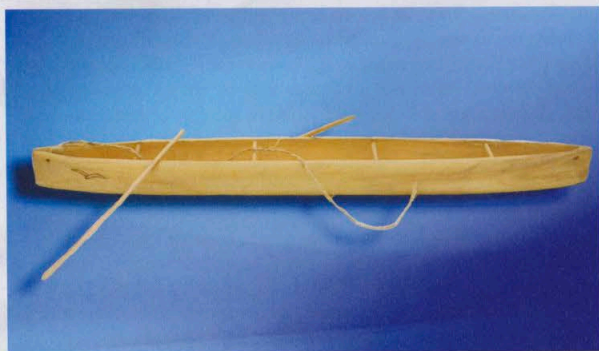
У моего деда упряжка была, а у Спиридона – две. Порода собак – камчатские ездовые. Лохматые такие, здоровые. В 1960-е годы заставили убить всех собак. Даже деньги давали за шкуру. У меня дед оставил одного с упряжки, а Спиридон – двух. Оставил Комлю (вожака). Я катался на нём верхом, мне тогда около года было.

Нарты у деда были трёх-четырёхкопылки. Он сильно большие не делал, как я на северах видел. У него задники были небольшие, чтобы просто ногами встать туда. То есть внутрь он не садился. Сзади становился. Ручку, за которую держались, делали дополнительно. Всего было 2-3 барана, а ручку к копылко крепил между баранами. По этому принципу и детские нарты делали, чтобы без собак можно было катать, держать их перед собой. И у нас здесь, насколько я помню, не обвязывали сухожилиями эти копыла, как на северах. Просто пробивали и на шканты садили, и потом – штифт.

Баты у меня дядьки делали. Я технологию знаю, но сам не делал. С 7 лет ребёнку бат давали в руки, вёсла, шест – и вперёд. Особенно, когда река расходилась. Почему детей с раннего возраста приучали? В них веса же мало.

У нас баты не соединяли. Даже Спиридон Толман, когда сено перевозил, укладывал жерди, на них сено почти по всей длине, спереди ставил старшего сына с шестом, а сам сзади. Сын шест вправо повернул, значит, его вправо повернуть надо. Спиридон же не видит, куда плыть.

На толстых батах в море выходили. Но редко можно было такой тополь найти, чтобы не гнилой был. Мильковские баты, как правило, вниз туда ходили, продавали, а родственники из Шаром поднимались на батах по весне, ещё снег в тундре лежит,

Бат. Николай Шишкин

перетаскивали их волоком, попадали в Быструю и сплавлялись. Вот почему у меня прабабушка была из Усть-Большерецка. Баты по тем временам хорошо стоили. Рубль два бата, и в каждый бат кидали по нарте. В Усть-Большерецке баты продавали, покупали упряжку собак, ещё продукты накладывали и возвращались на нартах.

Обувь в центральной части шилась из собачьей шкуры, пушного зверя. Иногда медвежья шкура использовалась. Когда обмен был с эвеннами, хорошо было. Одежда уже была из ткани, но нитки крапивные были. Охотникам для пошива обуви к крапивной нитке добавляли

Головнушки, бисер. Николай Шишкин

тонкую жилку оленя. Выменяют такую жилку и берегут, как золото.

Игольница. Николай Шишкин

Конфетница. Людмила Шишкина

Самовар. Людмила Шишкина

Серьги. Николай Шишкин

Крапиву собирают по осени, чтобы уже и мороз прошёл, и дожди. Когда она зелёная, в ней сахара много и хрупка она. Если весной собирать, там уже прожилки тёмные, и на этих местах она уже не крепкая.

(К беседе присоединилась мама Николая Шишкина – Елена Алексеевна).

Е. А. – Из крапивы ещё делали куклы. Игрушек не было же. С помощью кукол можно было ещё избавиться от талпов. Галя была маленькая, оставалась с бабушкой, я же училась тогда. Она капризная такая была, вот всё ей. В угол всё сложит и кричит: «Моё!» И в саду так же. Я приехала, а мать говорит: «Елена, у Галки-то талп крикливый, давай лечить». Нужно было шкуру дырявую (протёртую) взять с обуви. Потом брали верёвку, завязывали. Потом крапиву брали, сворачивали в куклу. Брали ещё сухую рыбу голову и кукле вместо головы привязывали. Мама всё пеленала, потом, когда солнышко садилось, нужно было вокруг печи три раза талпа провести. Мама везёт его, а я должна спрашивать: «Кого везёшь?» – «Талпа». – «Ну и вези его, чтобы век по веку не было». И так три раза. Потом эту куклу к Гале

Очечники из бересты. Людмила Шишкина

в кроватку клали. Три вечера подряд повторяли всё. Потом мать говорит: «Ну вот, закончили. Надо будет выкинуть завтра куклу». Как только расцвет забрезжит, сразу нести выбрасывать. Уйти в лес и кинуть наотмашь. И идти обратно. Если что за спиной услышишь, оборачиваться нельзя, иначе это всё вернётся». И помогло. Мама мне называла 25 талпов: крикливый, обжорливый и т. д. Я не запомнила всех.

Помню, пучку собирали. Мать пойдёт в лес за пучкой, наберёшь много. Вечером всё почистишь, мелко мать нарежет и засушит. Кипрей собирали. Тоже сушили. А зимой всё в употребление шло. И мы никогда этой пучкой горячей не обжигались. А вот русские приезжают, обожгутся – и по полгода не проходит ожог.

Н. Ш. – У дядьки в Шаромах когда был, пацаном ещё, на лошади ехал, наклонился, сорвал пучку, тут же почистил и съел. Сейчас уже специально её не собираем. Черемшу собираем, солим или замораживаем на зиму. Мясо можно пожарить с ней.

Е. Ш. – Майскую крапиву собирали. Тоже можно сушить или замораживать на зиму. Она вкус и свои свойства не теряет. Потом и салаты можно делать, и другие блюда. Но именно майскую. Главное, всё вовремя собирать.

Помню, украшения из шиповника делали в детстве. Кукол у нас не было. Сестра камешки находила продолговатые. Тряпочкой обернёт – вот и кукла получится. Ещё делали из подорожника. Венки разные плели из листьев или берёзы (когда она только распустится).

Участники Великой Отечественной войны – воспоминания родственников

*Галина Енгиюновна Пермякова,
родилась 30.03.1959 г. в с. Мильково*

Расскажу вам о своём свёкре. Его звали Иван Кирикович Пермяков, родился он 19 января 1925 г. в Кирганике. По национальности он ительмен. Но в свидетельстве о рождении значилось «русский», так как нельзя было указывать иную национальность. Отец свёкра Кир жил, кажется, в Шапино, а мама жила в Мильково. Он потом приехал за ней в Мильково и увёз в Кирганик. Родители были камчадалами.

Иван Кирикович был охотник, рыбак. Семья всегда была при мясе и рыбе. Даже медведя однажды завалил. Прочитала в «Книге памяти», что его в армию призвали 29 июля 1941 г., но я считаю, что там была описка. Скорее всего, его призвали в армию или в 1943-м или в 1944 г. Потому что... [в] 1941 г. ему было всего 16 лет. Воевал он на границе, был пограничником, когда война с Японией была. Здесь, на Курилах.

Он никогда не рассказывал о войне. Вообще разговоров на эту тему вести не хотел. Я попыталась один раз его спросить о каком-нибудь случае на войне, какую-нибудь историю [рассказать]. Он на меня посмотрел и сказал: «Какой может быть на войне случай? Война – это страшно!»

Историко-краеведческий музей под открытым небом «Острожная стена». Мильково, 2016 г.

Когда вернулся с войны, точно не знаю. Может, в 1946 г. И спрашивала всех родственников – никто не знает.

У него была такая строгая мама, поэтому к моменту его возвращения дома его уже ждала невеста. Он любил другую девушку, но маму послушаться было нельзя. Её звали баба Дуня. И все родственники про неё говорили, что это была властная женщина, просто какая-то командирша. Она всегда верила, что сын вернётся, и заранее привела в дом невесту – Василису Вениаминовну.

В браке они прожили много лет. Так случилось, что жена умерла первой. Родили пятерых детей. Иван Кирикович сначала работал в связи, я так поняла, потому что кочевал он на собаках, возил почту... у них один ребёнок, старший, родился на опытной станции (дочь Людмила), Дуся родилась в Кирганике, мой муж Серёжа родился в Пушино, последние двое родились в Мильково.

Награды у Ивана Кириковича были – у него были медали. Но ничего этого не сохранилось, потому что, когда родился предпоследний или последний ребёнок, эти медали вешали на зыбку, чтобы они звенели, то есть сделали из них игрушки. Потом дети с ними играли, и всё куда-то подевалось. Ничего не оста-

лось. Даже книжек. Людмила говорила, что были книжки к этим медалям.

Хорошо, что фотографии старшая дочь Людмила сохранила. И всё это передала мне.

Потом он работал в колхозе бригадиром животноводов. Одновременно занимался охотой и рыбалкой. Традиционная хозяйственная деятельность у них была. Это было заведено, они без мяса, без рыбы никогда не жили. Сын Лёша был – как отец: тоже любил рыбачить, охотиться. На лебедях они охотились, на медведей, на горных баранов. Шкуры зверей сдавали в госпромхоз.

Сергей говорит, что отец брал его с собой, но он у меня такой, что всё время жалел животных. Зайчик попадётся, он его возьмёт и отпустит.

Мама свёкра говорила, что они шили на фронт крипатки. Ну, это как чижи. Такая обувь из плотной ткани в два-три слоя, под сапоги надевали. Сучили нитки из крапивы, шили крипатки, рукавицы, видимо, отправляли на фронт. Потому что моя мама рассказывала тоже, что они всё это шили и отправляли. Родители мои во время войны жили в Кирганике, мама в колхозе работала. Она у меня 1928 г. [р.] Мама рассказывала, что были обли-

Иван Кирикович Пермяков

Иван Кирикович Пермяков с женой

гации, да такие большие... у нас в чемодане лежали. Но я плохо это помню – помню [только], что они были такие протёртые, старые.

Где-то в начале 1980-х гг. закрыли Кирганик. Свёкру в Мильково совхоз дал однокомнатную квартиру, и он сюда переехал. Основная часть народа в 80-е гг. уже переехала сюда, совхоз тоже давно в Мильково был. Но старые люди не торопились отсюда уезжать. Они оставались там. Свёкор работал в совхозе и после работы на попутках уезжал в Кирганик.

Моя мама не рассказывала, как началась война. Просто говорила, что людям туго было. Во время войны тут вредительство было какое-то. У Серёжиной мамы брат работал в колхозе,

Иван Кирикович Пермяков на охоте

Иван Кирикович Пермяков с сослуживцем

у него были поросята. И начался падеж скота. Приехали и забрали его, с тех пор он числится в списке пропавших без вести. Получается, его репрессировали. Семья у них была большущая, они остались совсем без мужчин. Ещё у них в Кирганике было почему-то так заведено, что когда семья большая, детей отдавали на воспитание в другую семью.

Ну, мама всегда говорила, что жили плохо только те, кто не любил работать. Если бы работали, то бы всё было. И в колхозе можно было работать.

Свёкор не любил говорить о войне. Тут ещё мама ему невесту привела. Так он, видимо, так расстроился, что все медали снял и обо всём забыл. Молодая жена очень хорошо пела, была красивая и скромная. Но он её в достаточно строгих условиях держал. Даже когда приходила сестра двоюродная к ней, предлагала покурить, она всегда отвечала, что вдруг Ваня увидит. Даже если Иван был далеко, в горах, всё равно думала, что он её увидит. А он так ей и говорил: «Где бы я ни был, я всё равно тебя вижу и знаю, что ты делаешь». И она это всё очень серьёзно воспринимала.

Работал в совхозе, и его там уважали. На каждое 9 Мая дарили подарки, давали грамоты, даже премии давали. Сестра двоюродная Серёжина рассказывала. Пришла как-то к дяде Ване, принесла премию. Он дверь ей открыл, а сам убежал в кухню. Она за ним, а он её в комнату отправил. И зачем это она к нему пришла? Она ему объясняет, что деньги принесла, нужно расписаться – и всё. Он расписался, а деньги ей отдать пытался. Мол, он уже не работает, зачем ему их передали. Такой, вот, честный был.

Умер Иван Кирикович в сентябре 1999 г.

*Татьяна Витальевна Булах (Михайлова),
родилась 11.06.1958 г. в с. Мильково*

Если говорить о том, что для меня значат слова «война» и «память», то это то, что свято. Почему? Потому что, смотря сегодняшние репортажи, телевидение, я со страхом и ужасом вижу, что происходит на Украине, когда забывают, что советские солдаты защищали Украину, освобождали Польшу. Среди них был мой дед – Фадей Егорович Еланцев и дядя – Виктор Викторович Михайлов.

Моя бабушка Улита Фоминична – первая, можно сказать гражданская, жена Фадея Егоровича. Вот моя мама была учительницей, я тоже учитель. Дед нам передал учительскую династию. Моя мама Прасковья Ивановна Кургутская, а на самом деле, наверное, Прасковья Фадеевна Еланцева. Неважно, что она не взяла его фамилию и отчество, главное, что она несла его традицию, слово учителя для неё и для меня стало священным и передалось именно от деда. Бабушка моя Улита Фоминична... родила маму, потом моего дядю Савву, он тоже был учителем. Закончили они Анадырское педагогическое училище. Потом мама закончила Хабаровский учительский институт. И встретила в Хабаровске папу – Виталия Викторовича Михайлова. И так сложилась, что они отправились на Чукотку, затем вернулись в Мильково. И здесь мама встретила своего родного отца.

Мой второй дедушка Виктор Анисимович Михайлов был с Якутии, а бабушка Александра Георгиевна Сенаева – она русская. Называли их раньше не ительмен[ами], а камчадал[ами], потому что бабушка русская, дед из Якутии, и слово «камчадал» больше подходит нам, ведь нельзя сказать, что мы именно ительмены. Я даже не знаю своего языка, знаю только какие-то обычаи, навязанные сверху. У них было семеро детей, старшим из которых был Георгий Викторович Михайлов, [он] участвовал в Курильском десанте. Вторым был дядя Витя, которого называли в честь отца. Потом уже родился мой папа.

Дед был необыкновенно знаменитым человеком. Он был охотником большим, участником сельскохозяйственной выставки в Москве в 1937 г. Когда шла война, он в числе многих мильковчан-охотников убивал [добывал] пушного зверя и отда-

вал в счёт [для] фронта. Ещё я знаю, что наши мильковчане собирали деньги на танк. Знаю, что школьники работали безвозмездно в колхозе «Безбожник». Также на фронт отправлялись посылки с письмами и пожеланиями для солдат. Моя бабушка отдавала в годы войны деньги в заём, помню, лежала у нас дома облигация. То есть слово «война» и Мильково связаны не просто так, а делом – отправлялись тёплые вещи, все, что надо было.

Дядя Виктор Викторович Михайлов – коренной мильковчанин. Родился в 1920 г., не знаю, к сожалению, точной даты. Дядя Витя был призван на войну в мае 1940 г. Он был связистом. Дошёл до Берлина. Участвовал и в освобождении Варшавы. Получил боевые награды и медали: «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За отвагу» и орден Отечественной войны.

Когда дядя Витя шёл из армии, он дошёл до города Кёнигсберга. Я об этом знала. Года 3 назад я со своим сыном поехала в город Калининград и оказалась в одном из музеев, где стоял обыкновенный музыкальный инструмент. Я попросила [у] работников музея [разрешения] сыграть на нём и мысленно представила, когда играла французскую песню, что говорю дяде Вите: «Я сюда вернулась – туда, где вы освободили, туда, где вы вели бои. И сегодня я – Танюшка Михайлова – в честь вас играю такую музыку». Мой сын Федя был очень удивлён. И когда я вышла, ко мне подошёл мужчина из нашей делегации и спросил: «А почему вы так играли, как-то вот так?». Я ответила: «Потому что слово “память” – оно не стирается. И сегодня я играла в честь своего дяди».

Дядя Витя никогда не говорил о войне. Он сразу отворачивался, и по его щекам текли слёзы. А бабушка всегда говорила, что не нужно его трогать, ему просто больно. Но у дяди Вити была записная книжка. Он её никому не давал, она была заветная. Сейчас книжка хранится у его дочери, я, к сожалению, не знаю, что там написано.

Его любимая песня была «Голуби». Когда он её пел, его никто не трогал. Он мог её петь на всю Авачинскую улицу (улица Победы сегодняшняя). И голос у него был такой звенящий и с болью. Видимо, во время исполнения этой песни он вспоминал те годы, тех людей, ту страшную войну, которую он прошёл. Но он вернулся.

И вот как он вернулся красиво и достоверно написал в стихах Георгий Германович Поротов:

По чистому дворику, тихо ступая,
 Ходила в тревоге старушка слепая.
 Достала одежду она поновой –
 Камчатка встречала своих сыновей.
 Распахнуты двери для жданных гостей,
 Родные объятья до хруста костей.
 И слышит старушка, сына ожидая,
 Там где-то смеются, там где-то рыдают...
 Во дворик вошёл торопливо мужчина.
 – Родимая, здравствуй! Иду из Берлина!
 Закончились, мама, отмщенья пути!
 Старушка прижалась к солдатской груди.
 И тихо спросила родимого сына:
 – А где же подруга твоя, Катерина?
 – Катюша далёко. Осталась подружка...
 – Чего ж не привёз! – осерчала старушка.
 – Ты мама, прости, перепутала малость:
 То наше орудие так называлось.
 – А я-то все думала, это невеста,
 И с фронта ко мне вы приедете вместе...
 Вдруг сын отступил, на колени упал.
 Встревожилась мать: – Ой, куда ж ты пропал!
 – Я, мама, целую святую землицу
 За тех, кто не сможет домой возвратиться.

Так случилось, что дядя Витя остался один с тремя детьми. И, наверное, как люди, которые любят оставаться одни со своим горем, часто ходил в лес. Ушёл на рыбалку и утонул, просто оступился, и унесло его.

Хорошо, что вы спрашиваете... Ведь если мы забываем об этом, значит, у нас нет будущего!

*Любовь Александровна Ерофеева (Плотникова),
 родилась 27.12.1974 г. в с. Мильково,
 ительменка*

У меня было два дедушки – Фадей Егорович Еланцев – дедушка по маминной линии и Семён Гермогенович Плотников – дедушка по папиной линии. Про Семёна Гермогеновича мало

информации, но он тоже был на войне. Нам надо будет узнать о нём как-нибудь больше информации. Знаем, что он был связистом.

А Фадей Егорович Еланцев был разведчиком. Родился 1 мая 1910 г. Закончил учительские курсы или в Петропавловске, или в Хабаровске. В числе 5 000 комсомольцев был послан на Чукотку, работал там кочевым учителем. Там познакомился с первой гражданской женой Улитой Фоминичной. Затем у них родилась дочь – Прасковья Ивановна. Улита Фоминична не стала записывать дочь на Фадея Егоровича. Даже фамилию свою дала, а не отца. Потом Фадей Егорович отправился на учёбу в Ленинград – в Институт народов Севера. Год там проучился, вернулся на Чукотку, а в это время Улита Фоминична вышла замуж за другого. Он вернулся на Камчатку и там уже женился на моей бабушке.

В 1940 г. его призвали в ряды Советской Армии, служил в Хабаровске в школе сержантов. Оттуда ушёл на фронт в разведку. В разведку тогда брали не всех, дедушка был очень смекалистым, прытким, умелым. Он был охотником и умел выслеживать цель. Брал в плен «языков». Дошёл до Берлина.

Хочу прочитать заметку из газеты про деда: «Запомнилась ему ночь на 23 февраля 1944 года. Он с группой бойцов направлялся за “языком”, так сказать, за “праздничным”. Липучий мокрый снег, полная тьма. Время от времени враг простреливал нейтральную полосу. Взвивалась в небо ракета и, зависнув на парашюте, скользила острыми тенями. Разведчики жвжимались в снег. Гасла ракета – снова хрустел наст, бойцы продвигались вперёд. Вот и позиция врага за колючей проволокой. И[Е]ланцев подтянулся, бесшумно перерезал проволоку и – в траншею. “Языка” взяли хорошего, знающего, разговорчивого».

Вернулся с войны позже 1946 г., точно не знаю. Был награждён орденом Красной Звезды и Отечественной войны I, II степеней, орденом Славы I, II степеней, медалями «За отвагу», «За взятие Праги», «За взятие Берлина» и значками «Отличный разведчик». После войны был председателем сельсовета, большим начальником. В отличие от многих рассказывал о войне, даже иногда с усмешкой. Он был очень жизнерадостным.

Наша семья не просто чтит [его] память, мы собрали целый альбом о нём. И когда ему было бы 100 лет, мы собрались на даче и пели дедушкину любимую песню «Вечерний звон». Даже зна-

менитый поэт Георгий Германович Поротов не просто приезжал к нему в гости, а вдохновлялся дедушкиными стихами, мотивами. Они дружили. Дедушка был не просто балагур, он был талантливый, творческим человеком. Необыкновенный дедушка.

*Артём Ерофеев,
правнук Е. Еланцева
(материал для школьного доклада, 2015 г.)*

В моей семье был ветеран Великой Отечественной войны – это мой прадедушка Фадей Егорович Еланцев, это гордость всей нашей семьи, и память о его подвигах мы бережно храним и передаём от поколения к поколению. В годы Великой Отечественной войны он служил разведчиком и дошёл до самого Берлина. Вот что рассказала мне бабушка, листая семейный альбом...

Фадей Егорович Еланцев родился 1 мая 1910 г. в семье охотника и устроителя первого Совета в с. Мильково Егора Еланцева. В семье уже было трое детей: Антонина, Егор и Серафим.

Окончив курсы, учительствовал на Чукотке в посёлке Марково, куда в 1932 г. был направлен кочевым учителем в числе комсомольцев-активистов движения освоения севера.

Обучение проходило в ярангах и чумах. Стойбища были расположены на большом расстоянии друг от друга, поэтому добираться до них приходилось на оленях и собачьих упряжках. Сложность была ещё и в том, что на Чукотке проживали люди разных наци[ональностей]: чукчи, чувашы, коряки, эвены и другие. От трёх до семи месяцев жил он в каждом стойбище. Учил детей и взрослых русскому языку, азам грамотности. А они в свою очередь обучали его своим обычаям и нравам, пытаясь понять, зачем этот «голубоглазый Ила» приехал к ним. Ведь у них были свои учителя – шаманы. Но постепенно они привыкли к своему учителю. Это настроение хорошо передал в своём стихотворении «Кочевой учитель» Г. Г. Поротов, который посвятил его своему другу-разведчику Ф. Е. Еланцеву:

Мы в школе учили немецкий язык.
 На встречу пришёл к нам земляк-фронтовик.
 В разведке служил он. Дошёл до Берлина.
 Награды надеты по пояс картинно.
 Мгновенно утих переполненный класс,
 И гость издалёка повёл свой рассказ:
 – В тридцатых годах, при товарище Отке*,
 Работал учителем я на Чукотке.
 А школа тогда кочевой была,
 Не клеились спервоначалу дела:
 Во-первых, не знал я чукотский язык.
 Ещё, во-вторых, кочевать не привык.
 И некому в тундре парнишке помочь,
 Из стойбища гнал злой шаман меня прочь,
 «Всё, брошу!» –
 Кольнула мыслишка на миг...
 Но всё же я выучил этот язык!
 Потом все смеялись от стара до мала:
 – Ты помнишь, как плохо учил нас сначала?
 И стала Чукотка мне близкой, родной.
 Да вот появился к нам Гитлер с войной...
 – Вы знали немецкий? – спросил мой сосед.
 Разведчик подумал и вымолвил:
 – Нет.
 По-ихнему знал лишь одно – «Хенде хох!»
 По классу разнёсся завистливый вздох.
 – Но знать языки мы, ребята, должны,
 Они нам для мира сегодня нужны!

В 1942 г. перед отправкой на фронт из Амурской Краснознамённой флотилии его приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Увидев входящего в землянку с докладом о прибытии в военную часть невысокого, ладного сержанта с восточными чертами лица, командир решил, что место ему в разведке.

«Отец мой за медведями ходил: смекалку, умение выслеживать зверя я от него перенял. Надо прежде хорошо узнать зверя, чтобы его взять. Я даже по следу фашиста различал», – вспоминал фронтовик.

* Отке – председатель Чукотского автономного округа в 1930-е гг.

На память родным. 10 марта 1942 г.,
 г. Хабаровск, Красная флотилия

Первые дни войны Фаддей Егорович воспринял как продолжение охоты на дикого зверя в дремучей Мильковской тайге. Только зверь здесь был иной, более опасный, коварный, отмеченный фашистской свастикой.

Тосковал разведчик по дому, по родной далёкой Камчатке. Здесь, на фронте, писал стихи, которые читал друзьям в промежутках между боями. Это стихотворение он посвятил своей сестре. Оно было написано в сентябре 1945 г. в г. Ораниенбурге, в «самом логове врага».

СЕСТРЕ

Моя родная, этой ночью синеватой,
 Когда косые тени на стене,
 Должно быть, думаешь о брате,
 Что служит в дальней стороне.
 Всё мечешься в заботе и тревоге,
 Не причинил бы враг вреда,
 Что мало ли какая на дороге
 На чужеземной встретится беда.
 Я был на Висле, воевал в Берлине,
 Дорогам трудным нет числа.
 Но обо мне в тревоге, как о сыне,
 Ты больше выстрадала и перенесла.
 Моя родная, ты стара годами.
 Давно меня твоё уж сердце ждёт.
 Пусть ветер буйный, что летит морями,
 Тебе любовь братовью принесёт.
 Мы вдалеке сражались за свободу,
 И ты уйми горячую тоску:
 Я не забыл тебя, но я служу народу.
 Вот скоро, скоро буду в отпуску.

Ораниенбург, май 1945 г.

Приеду, расскажу о разных странах,
 Про боевой путь, битвы и огонь...
 Сниму ремень и у окошка стану,
 Послушаю Олимпия* гармонь.
 И вечер будет розоват и светел.
 Скажу тебе я, старенькой моей:
 «Нет лучше нашей стороны на свете!
 Нет лучше Мильково, родней!»

Три года подряд воевал в разведроте, охотясь за немецкими «языками». Насколько удачно это у него получалось, можно судить по наградам:

- ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени
- ордена Славы II и III степеней
- две медали «За отвагу»
- медали «За взятие Праги», «За взятие Берлина»
- значок «Отличный разведчик»

В семейном альбоме нашей семьи бережно хранятся снимки, сделанные фронтовым фотографом в Берлине.

* Олимпий Пинигин был лучшим гармонистом в с. Мильково.

Берлин, 8 мая 1945 г.

Фаддей Егорович Еланцев с фронтовыми друзьями
 Иваном Рыжковым и Николаем Дружининым, 23 июня 1945 г.

Долиновка, 1955 г.

По возвращении с фронта Фаддей Егорович учителствует в сёлах района. В 1948–1951 гг. учится в высшей партийной школе в Хабаровске, затем работает инструктором Мильковского райкома партии вместе с Фёдором Павловичем Плотниковым.

В 1953 г. возглавляет сельский совет в с. Долиновка, а летом 1957 г. его переводят в с. Макарка. В те годы к Макаркинскому сельскому совету относились такие сёла, как Среднекамчатск, Макарка и Лазо, посёлок База (или Береговое). Хозяйство немалое, оно требовало частых поездок. И везде надо было успевать.

В 1960 г. сельский совет перевели из с. Макарка в Лазо. Фаддей Егорович сначала исполнял обязанности заместителя, а затем и председателя сельского совета. Часто приходил в школу, где не только дети, но и взрослые слушали его рассказы об истории района, о войне. Он вновь и вновь переживал то или иное событие. Хотя, по воспоминаниям дочерей, в кругу семьи не любил говорить о войне, плакал и говорил: «Не дай вам Бог такое увидеть и пережить».

Учитель, ветеран Великой Отечественной войны, дошедший до Берлина, председатель сельских советов района Фаддей Егорович Еланцев достойно прошёл свой жизненный путь. Воспитал шестерых детей. У него уже 13 внуков и 18 правнуков, 2 правнучка, которые живут и работают в основном в его любимом Мильково.

Ушёл из жизни 12 ноября 1976 г.

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в Мильковский район

Сборник разработан в рамках программы
Камчатского центра народного творчества «Земля моих предков»

Куратор программы – М. Е. Беляева, лауреат премии Правительства РФ
имени А. В. Луначарского, заведующая отделом сохранения
нематериального культурного наследия КГБУ КЦНТ

Составители: М. Е. Беляева, Н. А. Воробьева

Ответственный за выпуск Н. А. Воробьева

Подписано в печать 12.11.2020 г. Формат 60 × 84 ^{1/16}.
Печать офсетная. Гарнитура «PT Serif». Усл. печ. л. 3,49.
Тираж 100 экз. Заказ КП00-005048.

Издательство «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, 12а,
www.kamchatpress.ru